Литературный факт.
2021. № 4 (22)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 4 (22), 2021

Рецензия на книгу
УДК 821.161.1.0
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-22-164-172

«Русские — скитальцы нашей эпохи»: воспоминания о детстве внучки Леонида Андреева*

© 2021, Г.Н. Боева

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных
технологий и дизайна,
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: Статья представляет собой рецензию на книгу воспоминаний о детстве внучки Леонида Андреева О. Андреевой-Карлайл — «Остров на всю жизнь», впервые переведенную (Л. Шендеровой-Фок) на русский язык с английского и французского, языков первых публикаций. Автор воссоздает в книге пятилетний период (1939–1945) пребывания своей семьи на французском острове Олерон, оккупированном нацистами, реконструирует «русский мир» диаспоры, создаваемый чтением книг, общением с соотечественниками (Г. Федотов, М. Цветаева, А. Ремизов и др.), горячим интересом к России. В рецензии анализируется жанровая природа книги, сочетающей верность факту и беллетризацию документального материала в духе «девичьей» повести; вскрывается «книжный код», позволяющий автору романтизировать повествование и представить события Сопротивления, в которые включена семья, в авантюрном ключе. Показано, что изображаемые события и атмосфера в деревне Сен-Дени на берегу океана ассоциируются в книге с художественным миром Э. По, которого читает детям вслух их отец, Вадим, живший в детстве в Финляндии в доме на Черной речке. Воссоздаваемый по рассказам образ знаменитого деда автора, русского писателя Леонида Андреева, тоже смыкается с представлением об американском романтике Э. По. Портрет Леонида Андреева в книге предстает мифологизированным, преломленным призмой восприятия сына Вадима и определенным литературной репутацией самого писателя.

Ключевые слова: Ольга Андреева-Карлайл, эмиграция, воспоминания, Вторая мировая война, французское Сопротивление, «книжный код», Леонид Андреев, литературная репутация, рецепция.

Информация об авторе: Галина Николаевна Боева — доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, ул. Б. Морская, д. 18, 191186

* Рецензия на книгу: *Андреева-Карлайл О.В*. Остров на всю жизнь. Воспоминания детства. Олерон во время нацистской оккупации / пер. Л.Е. Шендеровой-Фок, послесл. Н.А. Громовой. М.: Изд-во АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2021. 281 с. («Чужестранцы»).

г. Санкт-Петербург, Россия. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-6021-3687
E-mail: g_boeva@rambler.ru

Для цитирования: *Боева Г.Н.* «Русские — скитальцы нашей эпохи»: воспоминания о детстве внучки Леонида Андреева // Литературный факт. 2021. № 4 (22). С. 164–172. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-22-164-172

Известны две книги о детских годах в доме отца, написанные детьми Леонида Андреева, — повесть «Детство» (1963) его сына Вадима и «Дом на Черной речке» (1974) дочери Веры. Эту традицию продолжают внуки писателя: книгу «Остров на всю жизнь…» написала старшая дочь Вадима Ольга Андреева-Карлайл (род. в 1930, сейчас живет в США, Сан-Франциско). В ней рассказывается о пяти годах, проведенных автором — с девяти до четырнадцати лет — в маленькой французской деревне Сен-Дени на острове Олерон. Сюда, на берег Атлантики, семья русских эмигрантов приехала в 1939 г. отдохнуть на море, но, застигнутая Второй мировой войной, вынуждена была остаться, воссоединившись с еще несколькими членами семейства, и, вступив в ряды Сопротивления, пережить немецкую оккупацию — лишь в 1945 г. им удалось покинуть приютивший их остров.

Ольга Андреева вырастет, будет учиться в Сорбонне, в 1951 г. выйдет замуж за американского писателя Генри Карлайла и переедет в Нью-Йорк, где станет учиться живописи, займется переводами (в том числе Достоевского, Пастернака, Мандельштама, Солженицына), напишет несколько книг. «Остров на всю жизнь…» появился в 1980 г. на английском языке, в 2005 и 2015 гг. был дважды опубликован на французском — теперь мы можем прочитать книгу и на русском.

Хотя подзаголовок ориентирует нас на жанр мемуаров, это не совсем так: в книге сильно ощутима беллетризация докумен-

тального материала — и в замене реальных имен вымышленными (в послесловии переводчика даны биографические справки, позволяющие разъяснить эти шифры), и в концептуализирующем повествование сюжетно-мотивном рисунке. Пожалуй, можно говорить о жанровой соотнесенности книги Андреевой-Карлайл с романом воспитания, а еще в большей степени — с «девичьей» повестью в духе Л. Чарской. В самом деле, здесь есть и влюбленность в юношу Жюльена, с которым героиня знакомится в первые же дни на острове, и «красавица-злодейка», авантюристка Клара, из-за которой приходится страдать героине, а в конце книги она осознает, что из ребенка прекратилась в привлекательную девушку и с ней стремятся познакомиться молодые люди на пляже…

Замечательно владея мастерством рассказчика, автор пишет так, что книга читается как остросюжетная, особенно в конце, где борьба против нацистов прибавляет повествованию изрядную долю авантюрности. А временами рассказ замедляется дотошным (но совсем нескучным), в духе классического мемуарного non-fiction, описанием вещного мира, который окружает семейство изгнанников: подробно изображаются заботы о пропитании (работы на огороде, сбор винограда и водорослей), одежда, досуг и прочие повседневные подробности жизни. Чередование описательно-неторопливых и повествовательно-стремительных страниц как будто имитирует наплывы волн океана, которым окружена островная вселенная героини.

Книга издана в серии АСТ «Чужестранцы»[1], настраивая на эмигрантский лад, на оптику взгляда «оттуда». В самом деле, несмотря на то, что девятилетняя девочка в начале книги никогда не видела Россию, все в ее воспоминаниях пронизано русским и семья ни на минуту не забывает о России и своем изгнанничестве. Бабушка героини, бывшая жена эсера В.М. Чернова (он тоже как «эпизодический гость» появляется на страницах книги), три ее дочери, их мужья, один из которых — сын писателя Вадим Андреев, и их дети — они и есть «русский мир», данный в ощущениях девочке.

А еще «русский мир» — это книги и стихи, которые герои читают и о которых спорят при свете горелок на дельфиньем жире. Именно чтение русских книг оказывается средством национальной самоидентификации — неслучайно, когда отец Оли вовлекает в Сопротивление соотечественников, вынужденных служить в вермахте, им дают читать Лермонтова и Достоевского из семейной библиотеки. Попутно сообщается о литературных знакомых семьи:

[1] В этой серии вышли также «Курсив мой» Н. Берберовой (2021) и «путеводитель» О. Лекманова по мемуарам И. Одоевцевой «На берегах Невы» (2020).

Алексее Ремизове, Марине Цветаевой, которая первое время в Париже жила у бабушки героини, О.Е. Колбасиной-Черновой, в доме появляется Георгий Федотов с женой…Однако родители и бабушка живут не только в «русском мире»: по своей культуре и образованию они европейцы, и сама девочка Оля, благодаря новому знакомому Жюльену, открывает для себя еще и французскую словесность, читая Ламартина, Бодлера, Верлена, Малларме, Поля Валери.

В портрет своего окружения автор тоже впускает много литературного: Ольга (мать героини), Наталья и Ариадна — почти чеховские «три сестры»; Клара, «злой гений» их семьи, уподобляется панночке из гоголевского «Вия» (аллюзивно в ней сквозит и Наташа из чеховской пьесы); любимый отец описывается как романтик, любитель Эдгара По, сын писателя и сам поэт: «Проведя детство на берегу моря практически в одиночестве, в редкой компании отца-меланхолика, Вадим Андреев никоим образом не чувствовал себя чужим на суровом и оторванном от мира Олероне. От матери, бывшей в родстве с Тарасом Шевченко, он унаследовал спокойный нрав и умение радоваться жизни» [2, с. 70]. Как видим, в этой характеристике акцентируются и «литературные корни» по линии Александры Михайловны Велигорской, первой жены Леонида Андреева.

«Книжный код» позволяет автору интерпретировать действительность, вчитывая в нее личностные смыслы и расцвечивая в романтические тона: в тревожное время, в непростой ситуации для ребенка это своего рода психотерапия. Так, Жюльен привозит в дом диккенсовскую «Крошку Доррит», с которой ассоциируют себя «Чернушки» (бабушка и ее дочери), и новеллы в переводе Эдгара По, ставшего для девочки своего рода «гением места»: «“Лигейя”, “Морелла” и “Падение дома Ашеров” стали важной частью нас самих. Зимними ночами весь Сен-Дени, дом Ардебер и даже наши спальни выглядели так, будто вышли из рассказов Эдгара По» [2, с. 60].

Американский романтик любим и отцом Оли — Вадимом Андреевым, который читает его страшные истории детям вслух: «Еще со времен одинокого невеселого детства, проведенного в огромном деревянном доме на берегу Финского залива, отец полюбил По. Он много рассказывал нам о судьбе американского поэта, о его склонности к опиуму и детской любви к Леноре» [2, с. 71].

Неудивительно, что с Эдгаром По ассоциируется и знаменитый дед Ольги — Леонид Андреев, о котором девочка, родившаяся через 11 лет после его смерти, могла знать только со слов родителей. Но тем интереснее присмотреться к тому образу, который возник в ее сознании на основе этих рассказов:

> Папа вырос на берегу Финского залива и любил море так же, как и его отец, русский писатель Леонид Андреев.
>
> Леонид Андреев стал знаменитым в предреволюционное время. Его перу принадлежит, например, «Рассказ о семи повешенных» (он был ярым противником смертной казни). Красивый, талантливый и угрюмый, Леонид Андреев был одним из последних представителей романтизма в русской литературе — течении, начавшегося с Лермонтова и завершившегося со смертью Бориса Пастернака. Все, что делал Андреев, было утонченным и неординарным. Он страстно любил море и построил себе на побережье большой деревянный дом, великолепный и одновременно печальный. Там он оплакивал смерть своей *Леноры*, матери моего отца — ее звали Александра Велигорская, она умерла, когда отцу было всего четыре года.
>
> Леонида Андреева можно было бы назвать нравственным ориентиром. Он близко дружил с Максимом Горьким, но тот выступал как политик и «совесть общества», тогда как Андреев защищал ответственность и права каждого человека. Оба они открыто высказывались против еврейских погромов. До самой своей смерти в 1919 году Андреев яростно разоблачал бесчеловечность, зло и разрушение, присущие политике Ленина, а Горький, наоборот, стал приверженцем большевизма [2, с. 69–70].

Как видим, «след Эдгара По» в восприятии Ольгой Андреевой своего деда очевиден. Очевидна и призма этого восприятия, заданная отцом, Вадимом: и его непростое детство в доме отца и мачехи, и представление о том, что умершая мать незаменима, и большой уединенный дом на берегу моря, и суровая северная природа, окружающая его. Понятен и налет романтизма, идущий от впечатлительной, поэтической натуры Вадима, в восприятии которого его отец тоже предстает одним из последних романтиков — непонятным, эксцентричным, одиноким, загадочным (романтизм при этом понимается автором, скорее, как мировоззрение).

Впрочем, современники тоже часто сближали Андреева и Эдгара По[2]. Американский романтик стал для русского читателя, по словам К. Бальмонта, «Колумбом новых областей в человеческой душе», которые открывали «поэзию ужаса»[3]. Да и сам Андреев не скрывал

---

[2] См.: «Мистический ужас человека, во всем прозревающего тайну, бездну, стихию: вот основной тон г-на Андреева — тон, оправдывающий <…> сопоставление с другим певцом ужаса, с Эдгаром По…» [3, с. 101].

[3] *Бальмонт К.* Гений открытия (Эдгар По. 1809–1849) // Ежемесячные сочинения. 1900. № 10. С. 109.

влияния на свое творчество Э. По[4] (любил и его соотечественника Джека Лондона). Рассказ Андреева «Он. Рассказ неизвестного» (1913) как будто навеян новеллой «Падение дома Ашеров» (1839)[5].

Заметим, что Андреев в процитированной характеристике противопоставляется Горькому, который крестил Вадима и с которым, как он хорошо знал, отец разошелся именно после смерти первой жены. Конечно, ощутимо в этом противопоставлении и ставшее уже устойчивым представление о литературной репутации Андреева и его месте в русской литературе XX в.

Интересно, как срифмовалась судьба сына в его олеронский период с судьбой отца: та же уединенность у моря, большой дом, полный домочадцев, которых надо кормить, работа на земле, мысли о литературе. Когда мы читаем в книге Андреевой-Карлайл, что ее отец умел сочетать «писательские занятия с зарабатыванием денег на содержание семьи и получать удовольствие от жизни в суматошном доме, полном детей» [2, с. 70], то можем усомниться в том, насколько отец действительно получал в этой ситуации удовольствие, но точно не можем не вспомнить о последних годах хозяина дома на Черной речке. Который тоже, кстати, был крайне озабочен садом, все не приживавшимся на скудной финской почве и, хотя имел в штате прислуги садовника, сам работал на земле. И, конечно, страстно любил море[6] — эта страсть, заставлявшая его неделями пропадать на шхерах, передалась сыну: море в книге Андреевой-Карлайл — любимая семейная стихия, «место силы», утешитель и врачеватель.

Стиль прозы Андреевой-Карлайл, переведенной Л.Е. Шендеровой-Фок, выдает языки оригинала — французский и английский. Вероятно, это хорошо: сохраняется интонация человека, говорящего «оттуда» (хотя некоторых странностей в употреблении сложноподчиненных предложений можно было бы избежать). Крайне полезны написанные переводчицей предисловие и содержащее реальный комментарий послесловие «О героях этой книги», где подлинные

4 В этом он признается в одном из писем, см.: [4, с. 24].

5 Сюжетные ходы: столкновение героя с таинственными, непонятными силами в чужом доме на берегу моря, страшная семейная тайна, тяготеющая над обитателями дома и придающая всему странный тон, образы несчастных женщин и остающаяся в финале недосказанность, — все в этом андреевском рассказе «Он», «сделанном по лекалам» Э. По, прекрасно ложится на олеронские обстоятельства жизни во время нацистской оккупации.

6 В поздних дневниках (запись от 25 мая 1918 г.) Леонид Андреев признается, что для него «любовь — море — литература связаны» как некая единая стихия жизни: «Любовь даст мне активность, даст и творчество и океан. Этот океан в его синей бесконечности я в и ж у с мучительной ясностью. Порой мне кажется, что и самая любовь… есть тот самый океан…» [1, с. 97].

имена героев повести сопоставлены с теми, которыми наделила их автор. Помещенные же в книге фотографии позволяют представить героев визуально. Одна из первых — Леонид Андреев с Александрой Михайловной и маленьким Вадимом на коленях.

Читателю пригодится и помещенная в конце книги краткая хронология «Франция во Второй мировой войне» — исторический подстрочник к изображенным событиям. Помогает в этом и послесловие Натальи Громовой «Между двух миров», в котором дан краткий историко-культурный очерк, позволяющий рассмотреть повесть Андреевой-Карлайл в контексте истории русской эмиграции, французского Сопротивления и русско-французских и русской-американских литературных связей.

Наконец, замечательный подарок читателю этой книги — автоиллюстрации Андреевой-Карлайл: тонкая, изысканная черно-белая графика, запечатлевшая пейзажи Олерона и передающая лирическую интонацию автора.

В книге есть одна сюжетная пружина, позволяющая понять смысл заглавия. На протяжении всех пяти лет, проведенных в Сен-Дени, дети ищут клад в саду у дома, в котором живут, и так и не находят. Однако на последних страницах, вместо этих ненайденных сокровищ, автору открывается подлинный смысл их пребывания на острове. Он становится метафорой утраченного детства и — шире — утраченной родины: «Каждый из нас вернулся домой, к себе домой. Вернулись ли мы? Русские — скитальцы нашей эпохи. Все мы мечтаем вернуться на тот остров, залитый солнцем, где сбегают в море кудрявые виноградники» [2, с. 258]. Образ «острова на всю жизнь», сродни набоковским «другим берегам», придает воспоминаниям внучки Леонида Андреева экзистенциальное звучание, а читателю дает ощущение художественности прозы, перерастающей жанровые рамки мемуаров.

Литература

1. *Андреев Л.Н.* S. O. S.: Дневник (1914–1919); Письма (1917–1919); Статьи и интервью (1919); Воспоминания современников (1918–1919) / вступ. ст., сост. и примеч. Р. Дэвиса и Б. Хеллмана. М.; СПб.: Atheneum-Феникс, 1994. 598 с.

2. *Андреева-Карлайл О.В.* Остров на всю жизнь. Воспоминания детства. Олерон во время нацистской оккупации / пер. Л.Е. Шендеровой-Фок, послесл. Н.А. Громовой. М.: Изд-во АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2021. 281 с.

3. *Жаботинский В.Е.* Полн. собр. соч.: в 9 т. / сост. и общ. ред. Ф. Дектора. Минск: МЕТ, 2010. Т. 3: Проза. Публицистика. Корреспонденции. 1903. 744 с.

4. *Львов-Рогачевский В.* Две правды. Книга о Леониде Андрееве. СПб.: Прометей, 1914. 232 с.

Book Review

"Russians are Wanderers of Our Era": Childhood Memories of Leonid Andreev's Granddaughter*

 Galina N. Boeva

St. Petersburg State University of Industrial Technology and Design,
Saint Petersburg, Russia

Abstract: The article is a review of the childhood memories' book by Leonid Andreev's granddaughter O. Andreeva-Carlisle — the novella "An Island for Life," first translated (by L. Shenderova-Fock) into Russian from English and French, the languages of the first publications. In the novel, the author recreates the five-year period (1939–1945) of her family's stay on the island of Oleron, occupied by the Nazis, reconstructs the "Russian world" of the diaspora, created by reading books, socializing with compatriots (G. Fedotov, M. Tsvetaeva, A. Remizov, etc.), and ardent interest in Russia. The review analyzes the genre of the book, which combines fidelity to fact with fictionalization of documentary material in the spirit of a girly story; it also reveals the "book code," allowing the author to romanticize the narrative and present the events of the Resistance, in which the family was included, in an adventurous manner. It is demonstrated that the depicted events and the atmosphere in the village of Saint-Denis on the ocean coast are associated in the book with the artistic world of E.A. Poe, read aloud to the children by their father, Vadim, who lived as a child in Finland in a house on the Black River. The image of the author's famous grandfather, the Russian writer Leonid Andreev, recreated from the stories, also merges with the notion of the American romantic Poe. The portrait of Leonid Andreev in the book appears mythologized, refracted by the prism of perception of his son Vadim and determined by the literary reputation of the writer himself.

Keywords: Olga Andreeva-Carlisle, emigration, memoirs, Second World War, French Resistance, "Book code," Leonid Andreev, literary reputation, reception.

Information about the author: Galina N. Boeva — DSc in Philology, Associate Professor, Department of Advertisement and Public Relations, Institute of Business Communications, St. Petersburg State University of Industrial Technology and Design, B. Morskaya 18, 191186 St. Petersburg, Russia. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-6021-3687 E-mail: g_boeva@rambler.ru

For citation: Boeva, G.N. "'Russians Are Wanderers of Our Era': Childhood Memories of Leonid Andreev's Granddaughter." *Literaturnyi fakt*, no. 4 (22), 2021, pp. 164–172. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-22-164-172

* Book review: Andreeva-Carlisle, O.V. *An Island for Life. Childhood Memories. Oleron During the Nazi Occupation*, trans. by L.E. Shenderova-Fock, afterword by N.A. Gromova. Moscow, AST Publishing House; Elena Shubina, 2021. 281 p.

References

1. Andreev, L.N. *S. O. S.: Dnevnik (1914–1919); Pis'ma (1917–1919); Stat'i i interv'iu (1919); Vospominaniia sovremennikov (1918–1919)* [*S. O. S.: Diary (1914–1919); Letters (1917–1919); Articles and Interviews (1919); Memoirs of Contemporaries (1918–1919)*], introd., comp. and comm. by R. Davis and B. Hellman. Moscow, St. Peterburg, Atheneum-Feniks Publ., 1994. 598 p. (In Russ.)

2. Andreeva-Karlail, O.V. *Ostrov na vsiu zhizn'. Vospominaniia detstva. Oleron vo vremia natsistskoi okkupatsii okkupacii* [*An Island for Life. Childhood Memories. Oleron During the Nazi Occupation*], trans. by L.E. Shenderova-Fok, afterword by N.A. Gromova. Moscow, Izdatel'stvo AST Publ., Redaktsiia Eleny Shubinoi Publ., 2021. 281 p. (In Russ.)

3. Zhabotinskii, V.E. *Polnoe sobranie sochinenii: v 3 t.* [*Complete Works: in 3 vols.*], vol. 3: Proza. Publicistika. Korrespondencii. 1903 [Prose. Journalism. Correspondence. 1903], comp. and gen. ed. by F. Dektor. Minsk, MET Publ., 2010. 744 p. (In Russ.)

4. L'vov-Rogachevskii, V. *Dve pravdy. Kniga o Leonide Andreeve* [*Two Truths. Book about Leonid Andreev*]. St. Petersburg, Prometei Publ., 1914. 232 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 19.09.2021
Одобрена после рецензирования: 05.11.2021
Дата публикации: 25.12.2021

The article was submitted: 19.09.2021
Approved after reviewing: 05.11.2021
Date of publication: 25.12.2021